

Этот преподаватель, давно не занимавшийся рисованием, прекрасно понимал, что сейчас он не способен создать что-то стоящее. Воспользовавшись тем, что в кабинете никого не было, а работы студентов как раз были сданы, он начал, притворяясь случайным посетителем, перебирать их.

Работа, лежащая на самом верху стола, сразу привлекла его внимание.

Техника исполнения была зрелой, линии простыми и четкими, но самое главное — человек на рисунке выглядел настолько идеально, что, казалось, все его черты лица излучали превосходство. Вероятно, это был какой-то знаменитость.

Если это действительно звезда, то все становится намного проще. Даже если его поймают, он сможет утверждать, что просто случайно изобразил того же человека.

Чувство вины всегда сопровождает воровство. Опасаясь, что другие преподаватели скоро войдут, он поспешно стер имя автора с рисунка, положил его в свой ящик, а затем намеренно разбросал остальные работы по столу и полу, даже выбросил несколько из них. В конце он открыл окно, создав видимость, будто ветер унес рисунки.

В конце концов, эти наивные студенты, получив пару угроз, легко смиряются с потерей. Он всегда поступал именно так.

...

Когда работы были возвращены, преподаватель извинился перед всеми:

— Вчера утром окно было открыто, и ветер унес несколько рисунков. Прощу прощения.

Среди пострадавших оказался и Чжун И, чья копия портрета Лу Хэчжана была безвозвратно потеряна.

Однако такие случаи были слишком частыми, и Чжун И мог лишь утешать себя мыслью, что, к счастью, он не сдал оригинал, и его все еще можно было использовать.

Через десять дней в Университете Хуа на выставке в культурном коридоре были представлены лучшие работы преподавательской группы на конкурсе набросков.

Первое место — «Мужчина в рубашке», автор Яо Ешо.

Считая дни, Чжун И понял, что уже почти пять дней не видел Лу Хэчжана. Он подпер голову рукой, глядя в окно, и грустно размышлял.

Последний урок в пятницу был общеобразовательным, и почти никто не слушал. Чжун И также витал в облаках уже около часа.

— Студент на заднем ряду, который смотрит в окно, встаньте и ответьте на вопрос, — раздался спокойный голос профессора с кафедры.

Чжун И вздрогнул, поспешно открыл учебник и встал, но, не слушая лекции, он совершенно не знал, о чем его спрашивают.

К счастью, профессор не стал его мучить, видя, что он не может выдавить ни слова, и махнул рукой, разрешая сесть. Только что сев, Сюй Кайцзэ подсел к нему и начал подшучивать:

— В чем дело, талантливый Чжун? Почему в последнее время ты так часто витаешь в облаках? Влюбился?

Чжун И, с выражением полной безнадежности на лице, опустил голову на стол и согласился:

— Да.

Сюй Кайцзэ, будучи гетеросексуалом, не испытывал неприязни к гомосексуалам и даже проявлял некоторый интерес к этой теме. Ему было любопытно узнать, как у Чжун И обстоят дела, и он не удержался от вопроса:

— Ты же не рассказывал, как продвигается твое дело?

У Чжун И было мало друзей: далекий Лу Цяо и близкий Сюй Кайцзэ. Ему было тяжело держать свои чувства в себе, и он открылся обоим друзьям, но все же не осмелился назвать имя объекта своей любви, продолжая мучиться от невысказанного.

На последний вопрос он даже не хотел отвечать. Какой мог быть прогресс? Они едва виделись, и все его уловки оставались невостробованными.

Видя его подавленное состояние, Сюй Кайцзэ догадался, что дела идут не очень, и решил не давить, переводя разговор на другую тему:

— Ты знаешь о недавнем конкурсе набросков? Ты участвуешь?

Чжун И немного оживился и спросил:

— А ты?

— Я? Конечно участвую, ради кредитов.

— Хорошо, когда будешь печатать заявку, распечатай и для меня.

Сказав это, он снова опустил голову на стол.

Сюй Кайцзэ продолжил:

— Что ты будешь рисовать? Кажется, нет ограничений на натюрморты или портреты.

Первой мыслью Чжун И стал портрет Лу Хэчжана, который он хранил в своей спальне. Это была его самая удачная работа за последнее время, в которую он вложил всю душу.

Но он все же не мог решиться сдать его.

— Я нарисую... натюрморт, — окончательно решил он.

Вечером, вернувшись домой и поужинав, Чжун И устроился в своей спальне перед расставленным натюрмортом, но как бы он ни располагал предметы, они все равно превращались в Лу Хэчжана.

Скорее всего, это происходило потому, что его мысли были полностью поглощены Лу Хэчжаном, и его идеи проецировались на все, что он видел.

Чжун И схватился за голову, понимая, что так больше нельзя. Эти редкие и краткие разговоры

с Лу Хэчжаном не только оставляли его сердце в подвешенном состоянии, но и не приносили никакого результата.

Такие робкие попытки были слишком медленными, подходящими для ухаживаний за сверстниками, но не для человека вроде Лу Хэчжана.

Чжун И привычно прикусил кончик карандаша, внешне размышляя о композиции рисунка, но на самом деле обдумывая коварный план соблазнения.

Неожиданно, в этот вечер Лу Хэчжан вернулся!

Услышав звук машины, Чжун И чуть не слетел с тапочек. Лу Хэчжан всегда возвращался так внезапно, что у него не было времени подготовиться. На нем был комбинезон с медвежонком, а волосы торчали, как гнездо.

Но теперь приводить себя в порядок было уже поздно, ведь как только он услышал звук, Лу Хэчжан уже поднялся наверх.

Чжун И не закрыл дверь, и Лу Хэчжан неожиданно увидел следующую картину:

Маленький медвежонок, босой, бесцельно бродил по деревянному полу, усеянному разными вещами, и, увидев его, вдруг остановился. За большими очками его глаза выражали растерянность.

У Лу Хэчжана странным образом возникло чувство, будто он случайно встретил маленькое животное в диком лесу.

Каждый раз, когда Чжун И видел его, он вздрагивал, и на этот раз не стал исключением. После этого он снова начал заикаться, бормоча:

— Г-г-господин Лу, как это вы вдруг вернулись?

— Вдруг вернулся... — Лу Хэчжан усмехнулся. — Ты что-то натворил? Так нервничаешь.

Чжун И поспешно покачал головой:

— Нет! Я на этой неделе все задания заранее выполнил.

Лу Хэчжан заметил стоящую в комнате рамку для картины и, слегка приподняв подбородок, спросил:

— А это что?

— Это для конкурса.

— Просто несколько стаканов?

— Ну... это помогает показать технику.

Чжун И уже все объяснил, и Лу Хэчжан не стал вмешиваться, но и не ушел сразу. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, прежде чем Лу Хэчжан наконец произнес:

— Не пригласишь меня войти?

К этому моменту Чжун И уже почти загорелся от смущения, полностью потеряв способность мыслить. Только после слов Лу Хэчжана он понял, что они все это время стояли у двери.

Комната Чжун И была первой, которую посетил Лу Хэчжан, и она соответствовала его ожиданиям. За исключением слегка беспорядочно разложенных принадлежностей для рисования, все было аккуратно, а в воздухе витал легкий аромат свежей травы.

Это соответствовало его характеру.

Как только Лу Хэчжан вошел, Чжун И, закрывая за ним дверь, вдруг понял: беда!

Он только что достал портрет Лу Хэчжана и забыл его убрать! Теперь он мирно лежал под одеялом, и если Лу Хэчжан заглянет туда, то сразу увидит его.

Нет! Лу Хэчжан ни в коем случае не должен его обнаружить! Хотя он и был одержим, но если Лу Хэчжан узнает об этом, это будет катастрофа!

Мысль о том, что он может опозориться перед любимым человеком, заставила Чжун И забыть обо всех условностях. Он резко нырнул под одеяло, прижав портрет к себе.

Защита картины ценой собственного тела! Какая отвага!

Шум привлек внимание Лу Хэчжана, который обернулся и увидел медвежонка, лежащего на кровати и притворяющегося мертвым.

У любого другого это было бы просто странным поведением, но Чжун И был своим, и Лу Хэчжан почему-то нашел это... милым.

— Что случилось? — подошел он к кровати и спросил.

Голос Чжун И доносился из-под одеяла, слегка приглушенный:

— Внезапно захотелось... спать.

— Тогда не буду мешать.

Чжун И услышал тяжелые шаги, и уже собирался вздохнуть с облегчением, как вдруг человек, который только что сказал, что уходит, внезапно появился перед ним.

Одеяло было слегка приподнято, и лицо Лу Хэчжана оказалось на расстоянии одного пальца от его собственного. Рука Лу Хэчжана легла туда, куда могло достичь его дыхание.

На обычно невозмутимом лице появилась едва заметная улыбка, а голос был низким и магнетичным:

— Опять что-то замышляешь?

Только сейчас Чжун И понял, что когда сердце бьется на пределе, дыхание не становится сбивчивым — оно просто останавливается.

Он не мог произнести ни одного связного предложения, его мозг превратился в кашу, и он сам не понимал, что говорил.

— Ничего, я спать, уже темно, я устал, я спать.

Сказав это, он быстро укрылся одеялом.

<http://bllate.org/book/16230/1458163>